

**TRUE-CRIME STORIES КАК ДОКУМЕНТАЛЬНО-
КРИМИНАЛЬНЫЙ ЖАНР В ЛИТЕРАТУРНОМ
НАПРАВЛЕНИИ НОН-ФИКШН**

**TRUE-CRIME STORIES AS A DOCUMENTARY CRIME GENRE
IN NON-FICTION LITERATURE**

Ю.А. Дударёнок

Y.A. Dudaryonok

Белорусский государственный университет
Минск, Беларусь
Belarusian State University
Minsk, Belarus

e-mail: yulya.dudaryonok.00@mail.ru

В статье выделяются и анализируются жанрообразующие черты литературы направления true-crime, через призму ретроспективного анализа представлен генезис формирования данного литературного жанра.

In the article, the genre-forming features of true-crime documentary literature are identified and analyzed. The genesis of the formation of this literary genre is introduced through the prism of retrospective analysis.

Ключевые слова: документальная проза; криминальный сюжет; жанр true-crime; факт; домысел; катарсис.

Keywords: documentary prose; crime story; true-crime genre; fact; myth; catharsis.

Литература является тонким рефлексором настроений, потребностей и запросов современной читательской аудитории, реагируя предложением новых эстетических приемов в поэтическом слого, новых техник жанрового синтеза, новых приемов сюжетосложения. Этим и объясняется сегодняшняя популярность документальной прозы – произведений жанра нон-фикшн (от англ. *non-fiction* – ‘не вымысел’). Этому жанру характерно построение сюжетной линии на реальных фактах и событиях, фрагментарно дополненных авторским художественным вымыслом. Г.Ю. Новик относит литературу нон-фикшн к интеллектуально-художественному дискурсу, обозначая в качестве его основных функций информационно-гносеологическую и художественно-эстетическую [1, с. 18].

Г.М. Казакова в качестве ключевых отмечает следующие черты жанра нон-фикшн: «отсутствие вымышленных сюжетов и героев, рассказ о событиях, пропущенный через личностное мировосприятие автора, использование различных художественных и драматических приемов, построение композиции произведения по драматическому принципу “сцена за сценой”» [2, с. 9].

Примерами произведений нон-фикшн являются жизнеописания выдающихся личностей, истории реальных катастроф и расследования громких преступлений. В последнем случае мы имеем дело с отдельным направлением в документальной прозе – с документально-криминальным жанром (true-crime). Произведения жанрового направления true-crime относятся и к документально-художественной литературе, и к экранному искусству, но в любом случае маркером жанра является криминальный нарратив. В.Ю. Лабузная предлагает определять специфику произведений жанра true-crime через их сравнение с детективной литературой, в которой также отображается процесс расследования преступлений. Так, литература детективного жанра отмечена «эстетизацией криминальных сюжетов», что воплощается в том, что при описании преступлений акцентируется не юридический, морально-этический или социальный контексты, а «красота, совершенство и оригинальность преступного замысла, изобретательность и смертоносность убийцы» [3, с. 89]. В отличие от этого, каноническими элементами криминального нарратива в романах true-crime являются: «детализированные портреты реальных лиц, реконструкция сцены преступления, выстраивание хронологии предшествующих и последующих событий, анализ полицейских процедур <...>, разбор механизма судопроизводства, научная интерпретация психологических мотивов преступников». Что же касается элементов художественной драматургии в жанре true-crime, таковыми, по мнению В.Ю. Лабузной, выступают «интрига, параллельное действие и чередование сюжетных линий» [3, с. 90].

Документальное и художественное сплетаются в произведениях жанра true-crime неразрывно как на уровне сюжета, так и на уровне поэтического языка. *Факты* (правдивые исторические свидетельства) как основа нарратива органично дополняются художественными элементами в виде *домысла*. Важным видится разграничить «вымысел» и «домысел» – понятия, обозначающие элементы художественности в произведении.

Вымысел на уровне сюжета – это плод творческого воображения автора, не имеющий прямых соответствий с реальностью; это способ художественного обобщения, связанный с построением целого воображаемого мира, это художественная условность, не претендующая на истину. Вымысел способен «поглотить» факт и трансформировать его в художественном мире иллюзорной реальности. Домысел – использование отдельных художественных элементов с целью эстетизации фактов исторической реальности как, например, включение (вкрапления) описаний природы и погоды («Днем на склонах холмов пестрели коровы, щипавшие пожухлую зимнюю траву, но сейчас фары «рамблера» выхватывали из тьмы лишь полотно дороги да голые придорожные кус-

ты» [4, с. 7]) или эмоциональных состояний персонажа («Выйдя на улицу, девушка нервно оглянулась. За ней постоянно шпионил влюбленный в нее одноклассник» [4, с. 6]). При этом домысел не поглощает факт, а подчиняется достоверности, и позволяет в процессе восприятия этой достоверности читателем возникнуть художественному переживанию.

Чаще всего авторами произведений жанра true-crime становятся лица, которые непосредственно участвовали в поимке преступников, либо изучали материалы полицейского расследования, что ни в коем случае не подразумевает эмпатию к убийцам и маньякам: автор – на стороне закона и справедливости.

Полагают, что жанр true-crime своим существованием во многом обязан Трумену Капоте и его роману «Хладнокровное убийство», вышедшему в свет в 1966 году. В ходе написания произведения американскому писателю пришлось лично отправиться в штат Канзас на место преступления (убийство семьи фермера), чтобы провести собственное журналистское расследование. Все собранные им материалы по делу, включая письма, дневники, документы, беседы и интервью с полицейскими, жертвами, свидетелями и даже убийцами, легли в основу развернутого документального повествования. Данное произведение, с одной стороны, не лишено художественной составляющей и свойственной художественному слогу эмотивности, с другой стороны, роман характеризует наличие скрупулезно проработанной фактологической, построенной на реальных событиях основы.

Через призму ретроспективного анализа можно полагать, что своим появлением жанр true-crime также обязан сформировавшемуся в Америке в 1960-е годы жанру «новый журнализм».

Первоначально новый журнализм оформился как техника и стилистика написания журналистских материалов, когда реальные факты преподносились с использованием литературных приемов (беллетризация факта, литературная детализация лиц, сценописание, воссоздание диалогов, проговаривание личной позиции как намеренное отступление от принципа нейтральности). Данный синтетический формат в журналистике был спровоцирован неудовольствием читателей «безличностным подходом традиционной журналистики», что подтолкнуло авторов «чутко реагировать на происходящее» [5, с. 255].

О.О. Несмелова и Ж.Г. Коновалова рассматривают данный синтетический жанр как «чисто американское явление, возникшее в журналистике и легшее затем в основу “разоблачительной журналистики” XX века». Далее «увлеченность экспериментами с художественными приемами» при представлении фактов переместилась в литературу, «примером чего может служить роман Э. Синклера “Джунгли”, где “ре-

альность» жизни семьи рабочих-эмигрантов на чикагских бойнях была представлена с помощью художественных средств и приемов» [5, с. 248]. Посредством глубокого погружения в материал и активного использования литературных приемов, журналисты из обычных заметок стали создавать, по сути, полноценные произведения документальной литературы.

До сих пор остается дискуссионным вопрос, «жив» ли новый журнализм сегодня, или же он «стал фактом литературной истории» [5, с. 246]. Так или иначе, современный литературный жанр true-crime, можно смело называть преемником нарративных приемов нового журнализма.

Сегодня уже никого не удивляет литературный сюжет, основанный на реальных событиях, но в середине XX века революционной идеей стал факт того, что настоящее преступление может служить интересным материалом для создания новой художественно-документальной формы в литературе.

Годами позже, в 1974 году, успех true-crime литературы закрепился благодаря книге «Helter Skelter: Правда о Чарли Мэнсоне» американского юриста Винсента Буглиози, который задокументировал историю судебного процесса, ставшую впоследствии основой для создания самого продаваемого произведения этого жанра в конце XX века. И с начала 1980-х годов XX века фокусом внимания сторителлинга в произведениях жанра true-crime стали серийные убийцы, маньяки, а одной из самых популярных книг с такого рода проекцией стала работа американской писательницы Энн Рул «Незнакомец рядом со мной» – роман о серийном убийце Теде Банди.

True-crime литература весьма популярна в настоящее время, возможно, в силу «пробуждения» в читателе азарта детектива или эксперта-криминалиста, психоаналитика или судьи по уголовным делам. К тому же произведения, основанные на реальных преступлениях, апеллируют к одной из базовых и самых сильных человеческих эмоций – страху.

В современном обществе жанр true-crime, причем как в литературе, так и в экранном искусстве, не уступает по популярности традиционным жанрам, таким как фэнтези, детектив или комедия. У бесчеловечности, преступности и закона много лиц, и книги жанра true-crime непредсказуемы, неожиданны с точки зрения развития сюжета и порождают катарсический эффект.

Как утверждает И.Г.Тропина, в современной культурной ситуации катарсис «остается актуальным явлением, более того, культура как бы дает на него заказ» [6, с. 13]. Современная эпоха, переходная, по мне-

нию И.Г. Тропиной, «характеризуется повышенной травматичностью, обусловленной большой нагрузкой информационного и образного потока медиасреды, ускорением темпа исторического и психологического времени; <...>; тревожностью и катастрофичностью, эсхатологичностью сознания». В этой ситуации катарсис как эффект восприятия насилия предстает «либо как “удовлетворение влечения” и обретение временного комфорта, либо как очищение путем рационализации собственного внутреннего конфликта» [6, с. 15].

Наивным выглядит поверхностные суждения, что произведения жанра true-crime удовлетворяют зрительский интерес к документалистике и позволяют иначе взглянуть на проблемы насилия, беззакония и возмездия, что популярность данного жанра объясняется возросшим интеллектуальным уровнем и образованностью современного читателя, его тягой к объективности. Более верным умозаключением нам видится то, что восприятие true-crime stories через «очищение от страха, сострадания и других аффектов» приводит к «комфорту восприятия, чему способствуют сцены насилия, удовлетворяя потребность в “остром” зрелище» [6, с. 17]. Демонстрация и лицезрение насилия привлекательно тем, что это сопряжено с нивелированием катастрофизма реальной жизни.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Новік Г.Ю. Документальна проза (нон-фікшн) на мяжы ХХ-ХХІ стст.: тэарэтычны аспект // Часопіс БДУ. Філалогія. 2017. № 1.
2. Казакова Г.М. Нон-фикшн в современной книжной культуре // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2016. № 3 (47).
3. Лабузная В.Ю. «Спектакль эшафота» в «обществе спектакля»: генезис жанра true-crime в литературе и экранных искусствах // АРТИКУЛЬТ. № 33. 2019.
4. Грейсмит Р. Зодиак. М.: Пальмира, 2020.
5. Несмелова О.О., Коновалова Ж.Г. Новый журнализм: теоретические принципы и их художественное воплощение // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2011. Т. 153. Кн. 2.
6. Тропина И.Г. Катарсическая функция экранного насилия // Известия ВГПУ. № 8 (42). 2009.